

Н. В. Карнаух

ВЫПУСКНИКИ ПРОФЕССОРСКОГО ИНСТИТУТА, ИХ УЧИТЕЛЯ И УЧЕНИКИ: МЕХАНИЗМЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Статья посвящена выпускникам Профессорского института, который был создан при Дерптском университете в первой половине XIX века. Автором анализируется процесс подготовки будущих преподавателей университетов России. Основное внимание уделено выявлению механизмов преемственности в освоении воспитанниками Профессорского института педагогического мастерства. В статье использованы архивные материалы и литературные источники XIX века.

Ключевые слова: преемственность; Профессорский институт; система подготовки; наставники; профессиональные ценности; трансляция ценностей.

N. Karnauh

PROFESSOR INSTITUTE GRADUATES, THEIR TEACHERS AND STUDENTS: MECHANISMS OF CONTINUITY

The graduates of Professor's Institute founded in the beginning of 19th century in Derpt University and the process of training of pre-service university teachers are described. The main attention is paid to the idea of continuity in mastering the pedagogical skills by the graduates of the Institute and afterwards by their students. The paper is based on the 19th century's archival materials and literature sources.

Keywords: continuity, Professor's Institute, training system, mentors, professional values, translation of values.

В философском смысле преемственность рассматривается как реальный феномен жизни человека и человечества. Это все то, что образует связь времен, обеспечивает поступательность развития человечества и становление каждого человека в отдельности: сохранение и передача в будущее накопленного человечеством опыта жизни, культуры, ценностей. Трансляция ценностей из поколения в поколение и от одного индивида к другому осуществляется при помощи специфических механизмов социальной памяти.

Как понятие, перенесенное в сферу культуры и образования, преемственность отражает более специфические контексты и значения, не утрачивая общего смысла. В профессионально-педагогической деятельности преемственность проявляется в передаче ценностей преподавательской деятельности. Исторически сложилась опреде-

ленная последовательность форм трансляции этих ценностей от Мастера к Ученику: через пример — с помощью образа деятельности преподавателя-наставника; посредством слова — в ходе беседы, обмена мнениями; формирования ценностных установок.

Становление профессии «преподаватель высшей школы» в России имеет свои специфические особенности, связанные с тем, что в России гораздо позже других европейских стран появились университеты, и первыми преподавателями в них были приглашенные из-за границы профессора. Среди них немало было людей знающих, но, как писал профессор Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьев, «у профессоров иностранцев Русские студенты редко чему выучивались, и преподавание их *никогда не образовывало достойных им приемников*» [7, с. 20] (курсив мой. — Н. К.).

Один из студентов того времени позже писал в своих воспоминаниях: «На некоторых кафедрах были люди, принадлежавшие к числу известнейших специалистов в тогдашней Европе, и от этих-то именно кафедр мы вынесли для себя меньше всего... Причина этому заключалась в том, что в ученых профессорах немецких не было личного сочувствия к нам, и мы сами имели горесть слышать от них, что для русского студента они считали своим долгом выполнять только свою служебную обязанность, т. е. просидеть на кафедре от звонка до звонка. ... Лекции кончались, мы расставались с профессором и расставались действительно. Он был для нас каким-то высоким, но отвлеченным существом: между нами ничего не было общего, кроме мысли о будущем экзамене» [5, с. 17–18].

Российской высшей школе необходимы были свои, отечественные профессора с высокой квалификацией, с образованием на уровне Западной Европы, что позволило бы преодолеть замкнутость русской университетской науки, расширить зарубежные научные контакты, без которых было бы немислимо быстрое развитие национальной науки и образования в XIX веке.

В начале XIX века многие европейские университеты ориентировались на немецкую модель высшего учебного заведения. В качестве идеальной модели немецкого университета нового образца — свободного от средневековой схоластики и основанного на новой методологии и методике образовательного процесса — рассматривался Берлинский университет, основанный в 1816 году В. Гумбольдтом. Именно по этой причине в российские университеты приглашались ученые чаще всего из Германии. В России ближе всего к немецкой модели находился Дерптский (официальное название г. Тарту в 1224–1893 гг.) университет. Он являлся «истинно культурным и научным центром, не уступавшим во многом западноевропейским университетам» [16, с. 28]. Н. И. Пирогов, один из первых вы-

пускников Профессорского института, вспоминал, что Дерптский университет пользовался в России большой славой, значительная часть кафедр в нем была занята людьми, известными «необыкновенной начитанностью и ученостью» [17, с. 322]. Близкий по духу к немецким университетам, он должен был служить своеобразным мостом между Россией и Западной Европой. Именно поэтому местом подготовки отечественных профессоров, которые могли бы составить серьезную конкуренцию иностранным преподавателям, был избран Дерптский университет, а всю систему оперативной подготовки профессоров в нем было решено назвать Профессорским институтом.

Необходимо было разработать специальную систему обучения, позволяющую определить уровень достижения поставленной императором цели.

Основное внимание в Профессорском институте уделялось индивидуальному подходу к обучаемым, развитию у них самостоятельности. В соответствии с этим для каждого воспитанника в первые дни пребывания в Дерпте был составлен план работы на весь период обучения с учетом индивидуальных способностей и знаний. Кроме посещения лекций и участия в других коллективных занятиях предусматривалась и довольно обширная самостоятельная, в основном практическая, работа. В соответствии с выбранной специальностью за воспитанниками закреплялись профессора-руководители. Каждый профессор-руководитель должен был иметь со своим воспитанником (воспитанниками) самый тесный контакт, создать атмосферу взаимного доверия и при помощи этого нацелить воспитанника на самостоятельную работу. Ректор рекомендовал различные формы самостоятельной работы: конспектирование и рецензирование книг, написание статей или рефератов на выбранную тему. Написанную студентом работу профессор должен проанализировать вместе с автором, влияя, таким обра-

зом, на научное развитие студента. От профессоров-наставников требовалось, чтобы при руководстве самостоятельной работой основное внимание они обращали на суть предмета, оставляя решение побочных вопросов самим воспитанникам. Такой характер занятий со студентами сохранялся во все время существования Профессорского института.

Для достижения поставленной императором цели необходимо было постоянно отслеживать результаты процесса становления будущих профессоров. Каждое полугодие директор Профессорского института В. М. Перевощиков составлял отчет попечителю об успехах воспитанников. В отчете анализировались трудности, с которыми встречались воспитанники, достижения каждого из них.

Подводя итоги первого полугодия (27 февраля 1829 года), директор сообщал попечителю, что почти все студенты Профессорского Института понимают и чувствуют важное своё назначение, и «оправдывают его ревностью к наукам и похвальным образом жизни. По сему началу можем с великою надеждою сказать, что, при помощи божией, благотворные намерения Его Императорского Величества и упования отечества будут сими юношами исполнены» [4, л. 1]. Далее представлялись отчеты об успехах каждого воспитанника в освоении всех предметов, в развитии профессиональных умений. Отмечалось, что в первом полугодии все воспитанники посещали прилежно лекции, принимали участие в диспутах, «писали рассуждения» на латинском языке по предметам, вызывающим особый интерес. Основная проблема в обучении — слабые знания «в немецком языке» у некоторых воспитанников, и это проявилось во время экзаменов. Особенно трудно было студентам из Харьковского университета, так как они прибыли в Дерпт только в конце семестра. В. М. Перевощиков сообщал в своем отчете попечителю, что: «всё свободное время они посвящали изучению немец-

кого языка и достигли успехов» [4, л. 9]. Особо был отмечен студент Иноземцев, который «...показывает отличные способности».

В отчете директора об итогах первого года подготовки будущих профессоров в Дерпте также отмечено: «Почти все воспитанники своим прилежанием к наукам и поведением своим продолжали соответствовать важному их назначению» [4, л. 9].

Граф К. А. Ливен, попечитель Дерптского университета, сообщал в своем отчете Императору Николаю I о том, что воспитанники все уже определились в выборе области педагогической деятельности: Иноземцев, Филомафитский, Шрамков, Сокольский, Пирогов, Скандовский посвящают себя *медицинским наукам*; Лапшин — *математике*; Котельников — *астрономии*; М. Куторга и Лунин — *Древней и Российской истории*; С. Куторга — *зоологии*; Шиховский и Корнух-Троцкий — *ботанике*; Чивилёв и Ивановский — *политической экономии*; Крюков и Валицкий — *словесности латинской и греческой*; Мухлинский — *восточным языкам*. Что касается достижения главной цели пребывания воспитанников в Дерпте, то К. А. Ливен отмечает: «Можно надеяться, что из 18 студентов Профессорского института восемь человек: Пирогов, Иноземцев, Калмыков, Шкляревский, М. Куторга, Шрамков, Ивановский и Крюков *будут отличными профессорами* (курсив мой. — Н. К.); четверо: Ст. Куторга, Котельников, Лапшин, Валицкий — *хорошими*; четверо: Филомафитский, Шиховский, Корнух-Троцкий, Чивилёв — *посредственными*. Скандовский, может быть, станет человеком со сведениями, *но не профессором*, о Сокольском *ничего определенного сказать нельзя*. Впрочем, одно только будущее время может решить всё» [4, л. 25].

В своем очередном отчете попечителю директор отмечал: «Решительную надежду сделаться способными университетскими преподавателями подают Шиховский, Корнух-Троцкий, Пирогов, Лапшин, Котельни-

ков, Иноземцев, Ивановский, Валицкий, Чивилёв, Крюков, Лунин, оба Куторги.

Скандовский показал при испытаниях больше познаний, нежели сколько от него ожидали, и принадлежит к сему перечню.

Напротив того, нельзя сделать решительного заключения о способностях к преподаванию Сокольского и Филомафитского» [4, л. 92].

Профессор Перевошиков в августе 1830 года направил попечителю два ходатайства, касающихся воспитанников Профессорского института, с начала обучения которых в Дерпте прошло уже два года и оставался всего только один. Первое ходатайство касалось продления срока пребывания воспитанников в Дерпте на три-четыре месяца для того, чтобы воспитанники имели время для подготовки и прохождения последнего «испытания». Второе — разрешения присудить воспитанникам по результатам экзаменов те ученые степени, которых они будут достойны. (Традиционно степени присваивались в определенной последовательности: кандидат — магистр — доктор). Затруднения были связаны с присвоением степеней по наукам философского и юридического факультетов, так как по медицинскому факультету университет уже имел право присуждать своим выпускникам степень доктора медицины.

Оба ходатайства В. М. Перевошикова были удовлетворены. После почти 4, 5-летнего пребывания в Дерпте воспитанники были удостоены тех ученых степеней, которых они заслуживали по результатам «строгих испытаний».

Становление будущих отечественных профессоров происходило под руководством грамотных, внимательных и строгих наставников. Анализируя используемые профессорами формы индивидуальной работы со студентами, установившийся стиль взаимоотношений, можно прийти к выводу: мастерству учатся у Мастера.

Иоганн Христиан (Иван Филиппович) Мойер. Дару его преподавания, которым он

привлекал к себе обширную (не только студенческую) аудиторию, университет, в известной степени обязан довольно значительным числом хороших хирургов. Широкая образованность Мойера, «прямодушный характер, прирожденный такт и замечательные музыкальные дарования открывали ему способы влияния своей личностью и вне университета» [8, с. 261]. Его лекции отличались простотой, ясностью и наглядностью изложения. В отчетах директора института попечителю отмечалось, насколько внимателен был профессор И. Х. Мойер к своим подопечным: «предоставил воспитаннику Пирогову жильё в своём доме, ... снабжал его столом и дровами». Добился выделения Пирогову и Иноземцеву «удобной и спокойной» комнаты в клиническом здании университета. Эти воспитанники постоянно пользовались советами профессора, с большим желанием изучали медицину. Мойер показывал им операции «над трупами» и предоставлял возможность проявить себя в практической хирургии.

Иоганн Мартин Христиан Бартельс — профессор кафедры чистой и прикладной математики. Начинал преподавательскую деятельность в Казанском университете. Здесь ему выпало на долю быть учителем ещё одного великого математика — Н. И. Лобачевского. Он занимался под руководством Бартельса не только во время прохождения курса, но и по окончании его. В Профессорском институте Бартельс по нескольку часов в неделю «изъяснял воспитанникам приложение геометрии и механики к физической астрономии». Помогал Лапшину и Котельникову в их самостоятельной работе книгами и наставлениями.

Фридрих Георг Вильгельм Струве — в Дерптском университете им впервые в университетском курсе начато преподавание не только астрономии, но и высшей математики. Отличительной чертой преподавания Струве было его умение не только заинтересовать своих слушателей, но и подготовить их в сравнительно короткое время к

самостоятельному научному труду. Из воспитанников Профессорского института свою деятельность посвятили астрономии А. Савич и Е. Саблер. С успехом занимались этим предметом В. Лапшин и П. Котельников. Профессор Ф. Г. Струве на каникулах занимался с воспитанником Котельниковым «практическими упражнениями на обсерватории».

Карл Христиан Фридрих Ледебур — ординарный профессор естественной истории вообще и ботаники в особенности. Он разрешил воспитанникам Шиховскому и Корнух-Троцкому пользоваться своей библиотекой. «Они ежедневно проводят у него каждое утро, занимаются по его наставлениям и под его надзором», — отмечается в отчетах.

Профессор *Крузе* собирал у себя в доме каждую неделю воспитанников Профессорского института, обучающихся истории и древним языкам, заставлял их «сочинять рассуждения» и дискутировать «о разных предметах на латинском языке. Сии упражнения были для них весьма полезны». Обучал Крюкова, Валицкого, Чивилёва и Ивановского «частным образом Всеобщей истории». Каждый вечер занимался с М. Куторгой [4, л. 10–11, 19].

Под руководством опытных наставников воспитанники отходили от формального усвоения предмета. Кроме важных научных положений, неоспоримых фактов, значимых событий они имели возможность познакомиться с их критической оценкой, высказанной преподавателем эмоционально, с увлечением, могли высказать своё мнение. Любовь профессора к своему предмету помогает слушателям его лучше понять, прочувствовать. Будущие преподаватели университетов кроме содержания предмета усваивали эффективные формы и методы его преподавания, а впоследствии, о чем свидетельствуют воспоминания их учеников, смогли их успешно реализовать, усовершенствовать.

Общность научных интересов, умение вовремя прийти на помощь нуждавшимся

студентам, даже оказать им материальную поддержку, связывали учителей и учеников тесными узами дружбы, уважения и любви.

Профессорский институт, несомненно, имеет большое значение в истории высшего образования в России: благодаря ему русские университеты получили около двух десятков хороших профессоров. Но успех обучавшихся в нем молодых людей в достижении намеченных ими целей, как замечает Е. В. Петухов, автор книг, посвященных истории Дерптского университета, было бы «несправедливо приписывать одним только достоинствам дерптской научной школы и дисциплины; много значил тут и выбор самих кандидатов» [8, с. 497]. Ценные семена знаний были заложены в благодатную почву: в Профессорский институт отбирали самых лучших студентов из университетов России.

В. П. Бузескул в своем очерке, посвященном М. М. Лунину, отмечает, что в Профессорском институте «в то время находилась целая плеяда даровитых молодых людей, впоследствии выдающихся деятелей на поприще науки и профессуры» [2, с. 323].

Всего Профессорский институт осуществил два набора. Первый — в 1828 году, второй — в 1833 году, всего было подготовлено 22 преподавателя для университетов России. При поступлении в институт будущие профессора давали подписку, что обязуются после его окончания «прослужить 12 лет по учебной части со времени занятия ими профессорской кафедры» [15, с. 132]. Этот срок составлял ровно половину 25-летнего профессорского стажа. В литературе того времени встречаются разные оценки такого рода документа, как подписка. Так, А. В. Никитенко, которому в свое время тоже была предоставлена возможность учиться в Профессорском институте, записал в своем дневнике: «Я люблю науку и жажду познаний, но ... не могу помириться ни с чем, что хоть сколько-нибудь отзывает закрепощением себя. ... Сובлазн усо-

вершенствоваться в Германии, конечно, велик, но я предпочитаю свободно располагать своей будущностью в России» [13, с. 178].

Другой точки зрения придерживался Д. И. Менделеев. Вспоминая о том, что ему при поступлении в Главный педагогический институт пришлось давать расписку о том, что он обязуется за каждый год, проведенный в институте, прослужить два года там, куда будет назначен начальством, Дмитрий Иванович отмечал значение этой расписки для молодых специалистов: «Обязательство или расписка не только заставит каждого относиться внимательнее к делу, за которое он принимается, но и составит один из первых жизненных уроков для внушения той связи, которая должна существовать между всякими правами и обязанностями» [11, с. 203–204]. Выпускники Профессорского института выполнили свои обязательства, многие из них проработали в высшей школе даже гораздо больше обозначенного срока.

В конечном итоге все действовавшие в то время университеты России получили из Профессорского института квалифицированное пополнение. На фоне общепринятой практики в первой половине XIX века это было большим новшеством.

Ф. И. Буслаев в своих воспоминаниях о студенческих годах писал, что «новый период в истории Московского университета ... начинается вместе с появлением в нём молодых профессоров». Это были выпускники Профессорского института: Печерин, Крюков и Чивилёв — на филологическом факультете; на юридическом — Редкин; на медицинском — Иноземцев, Филомафитский.

Молодые преподаватели составляли серьезную конкуренцию иностранным преподавателям. Одним из ценностных ориентиров в их преподавательской деятельности была *отечественная наука*.

Бывшие студенты профессора Ф. И. Иноземцева, выпускника Профессорского института, вспоминали: «От него мы услыха-

ли в первый раз новое тогда для нас слово: *Русская наука, Русская медицина*. Смысл его уже был не тот, с которым случалось нам его слышать от других, Немецких учителей наших. Не в узкой рамке сжатого, ограниченного патриотизма, презирающего все, что не наше, являлась перед нами в его лекциях и беседах *Русская наука*. Нет, это было полное уважение и к опыту и к заслугам других, но вместе и стремление принести и свою лепту в общую сокровищницу науки... Мы постоянно слышали от нашего наставника, что честность в науке столько же обязательна и важна, как и честность в жизни» [5, с. 22–23].

Н. И. Пирогов в своих работах постоянно подчеркивал, что в университете должны быть тесно взаимосвязаны два направления деятельности — научная и учебная: «Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное, и без учебного, все-таки светит и греет. А учебное без научного, как бы не была для национальности приманчива его внешность, — только блесит» [18, с. 15]. Осуществить эту работу под силу преподавателям, увлеченным своим предметом, занимающимся исследовательской деятельностью.

Деятельность выдающихся преподавателей была ценным примером, образцом ведения учебного процесса в высшей школе. М. С. Куторга, выпускник Профессорского института, преподававший в течение 30 лет в Санкт-Петербургском университете (кафедра всемирной истории), учил своих студентов методам *научного исследования*. «Не груз имен и чисел выносили слушатели из его аудитории, а знакомились ... с методом научных занятий, с требованиями научного исследования. Такое преподавание, при даре изложения, естественно, привлекало слушателей и, возбуждая в них самостоятельную деятельность, располагало к самостоятельному занятию предметом» [9, с. 215–216]. Чтобы поддержать и укрепить интерес студентов к изучаемому предмету, М. С. Куторга, кроме лекций в университете, стал прово-

дить дополнительно, с конца 40-х годов, «особые вечерние беседы у себя на дому», именно для студентов, желавших посвятить себя изучению истории. В эти часы, подобно тому, как это делалось в Профессорском институте и в «семинариях» у германских профессоров, занимался он специальным разбором отдельных исторических вопросов, давал студентам темы для разработки, разбирал сочинения, которые они представляли, и таким образом на деле знакомил молодых людей с требованиями и приемами исторической критики.

Эти старания профессора не остались бесполезными: «не только некоторые из трудившихся в его семинарии сами заняли впоследствии университетские кафедры истории: строго научным направлением своим обязаны лекциям его даже труды многих из его слушателей, избравших себе иные специальности» [9, с. 215–216].

М. С. Куторга постоянно подчеркивал в своих лекциях, что в жизни народов и развитии науки большую роль играет *закон преемственности* (выделено мной. — *Н. К.*), заключающийся в том, что «труды предшествовавших поколений не остаются бесплодными для поколений последующих, ... идеи не умирают, а содействуют дальнейшему успеху» [14, с. 12]. Идеи Учителя, Мастера находят свое развитие в деятельности Учеников.

Одним из *учеников* М. С. Куторги был М. М. Стасюлевич. Его специальностью стала история Древней Греции, занятия которой, начатые под руководством одного из лучших тогдашних профессоров, М. С. Куторги, развили в нем «привычку к строго научному мышлению». На магистерской диссертации М. М. Стасюлевича было напечатано: «Михаилу Семеновичу Куторге с чувством глубокого уважения и живейшей признательности посвящает признательный ученик» [1, с. 1].

В 1857 году указом Императора была возобновлена практика направления наиболее способных студентов в заграничные уни-

верситеты с целью подготовки отечественных профессоров. Дополнением к существовавшему ранее порядку отправления молодых ученых за границу являлось требование: «чтобы для сей цели избираемы были не только вообще люди с отличными дарованиями, но, в качестве преподавателей, уже доказавшие способности свои к профессорскому званию» [6, с. 11]. В С.-Петербургском университете одним из кандидатов, соответствующих данному требованию, был адъюнкт по кафедре общей истории Михаил Стасюлевич.

На основе общего интереса к истории между М. С. Куторгой и М. М. Стасюлевичем возникла дружба, которая может связывать Учителя и его Ученика. Анализируя сохранившиеся письма М. М. Стасюлевича, адресованные М. С. Куторге, можно сделать вывод о том, что для Михаила Матвеевича было очень важным мнение учителя о его деятельности. Так, в своем письме от 10 июля 1850 года М. М. Стасюлевич излагает содержание подготовленных им для публикации в журнале «Москвитянин» статей. При этом он отмечает: «своим мнением о Сократе ... я много обязан Вашим лекциям» [19, с. 238]. В письмах часто встречаются фразы: «я сделаю то, что Вы мне посоветуете», «я буду ждать Вашего совета».

Работая с литературой в библиотеке парижского университета, Михаил Матвеевич не забывает об интересах своего Учителя: «Не далее как вчера я ... прочел лекцию профессора Афинского университета Папаригопуло, которая так мне напомнила о Вас, что заставила отложить Помпейские бани (название статьи, над которой работал М. М. Стасюлевич. — *Н. К.*) в сторону и писать Вам это письмо». Далее Стасюлевич пишет: эта лекция — «предмет для Вас особенно интересный; быть может, Вы даже в это время читаете о том в университете» [19, с. 258].

М. М. Стасюлевич оказался достойным учеником своего учителя: увлечение историей, стремление к исследовательской дея-

тельности, желание и умение поделиться этими знаниями со своими учениками — характерные черты профессора Стасюлевича. Известный педагог В. П. Острогорский в своих воспоминаниях о студенческих годах писал: «Одним из первых, произведших на меня наиболее сильное впечатление, когда я учился в С.-Петербургском университете на филологическом факультете, был профессор истории М. М. Стасюлевич, читавший общий курс истории европейской цивилизации и привлекавший себе на лекции особенно много студентов и публики. Это был лектор-популяризатор, блестящий, необыкновенно умевший заинтересовать, увлечь, что называется, захватить всю аудиторию так, что напряженное внимание слушателей не ослабевало от начала лекции до конца. ... Думаю, что именно такой лектор, как М. М. Стасюлевич, бивший не столько на факты, сколько на обобщения, освещение событий, раскрытие внутренней связи между ними и их смысла, был особенно полезен для нас, студентов. ... Он первый указал нам на значение исторических источников и *исторической критики*» [20, с. 2] (курсив мой. — Н. К.). Профессора в Дерпте отмечали, что у М. Куторги было очень хорошо развито критическое мышление, его «рассуждения», подготовленные на основе анализа исторических источников и работ разных авторов, посвященных определенному историческому периоду, всегда заслуживали высокой оценки преподавателей. Как это уже было отмечено выше, Михаил Семёнович обучал своих студентов приемам исторической критики. И, как выяснилось, не безуспешно.

Мастерство преподавания выпускников Профессорского института способствовало развитию у их слушателей глубокого интереса к предмету. Об этом свидетельствуют воспоминания бывших студентов. Н. И. Костомаров, известный историк, писал о М. М. Луние: «Лекции этого профессора оказали на меня громадное влияние и произвели в моей духовной жизни решитель-

ный поворот: я полюбил историю более всего и с тех пор с жаром предался чтению и изучению исторических книг» [10, с. 22].

Д. Л. Крюков, как отмечают его бывшие студенты, владел способностью, очень важной для педагога: удивить, вызвать интерес к себе и желание следовать за собою. Его педагогическая деятельность продолжалась всего десять лет (Дмитрий Львович умер в молодом возрасте), но за это время он успел подготовить двух последователей, которые затем занимались преподавательской деятельностью в Московском университете. Это профессора Леонтьев и Пеховский. Ф. И. Буслаев вспоминал лекции молодого профессора Д. Л. Крюкова: «помню, что он заставил меня полюбить Тацита, и особенно Горация. ... На четвертом курсе читал он нам римские древности на латинском языке. Этот предмет так заинтересовал меня, что в дополнение к нему я посещал лекции Крылова по истории римского права» [3, с. 129].

Известный микробиолог профессор Л. С. Ценковский писал, что на формирование его интереса к естественным наукам оказали влияние лекции С. С. Куторги. Поступив в С.-Петербургский университет с целью заняться изучением чистой математики, он случайно, следуя за толпой слушателей, попал на лекцию по зоологии. Читал её знаменитый профессор С. С. Куторга. Лекция была посвящена истории развития животных. «После этой знаменательной для меня лекции я вообразил, что можно постигнуть все тайны природы, и тотчас побежал в управление университета и просил перевести меня на естественное отделение. С этой поры я служил верой и правдой естественным наукам почти половину столетия» [12, с. 42].

Эффективность системы определяется по ее результатам. Отечественные преподаватели, подготовленные в Профессорском институте, действительно были конкурентоспособны на общеевропейском уровне. Они владели основательными специальными и общекультурными знаниями.

Для них были характерны такие качества, как увлеченность своей профессией, высокая трудоспособность, стремление к исследовательской деятельности и обширность научных знаний, стремление к совершенствованию педагогического мастерства, честолюбие ученого, толерантность. Профессионально значимые личностные качества проявлялись в умениях оказывать влияние на своих студентов, увлекать их своей профессией (преподавателя высшей школы), создавать собственную систему, школу преподавания, блестяще владеть лекторским мастерством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арсеньева К. К.* Михаил Матвеевич Стасюлевич // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. Лемке. СПб., 1911. Т. I. 560 с.
2. *Бузескул В. П.* Профессор М. М. Лунин, «Харьковский Грановский». К столетию Харьковского университета // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. № 2. С. 321–374.
3. *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. 387 с.
4. Ведомости о занятиях воспитанников Профессорского института за 1828–1832 гг.: РГИА. Ф. 733. Оп. 56. Ед. хр. 656. 117 л.
5. Воспоминание о Федоре Ивановиче Иноземцеве С. А. Смирнова. М.: Тип. Грачева и К°, 1872. 34 с.
6. Годичный торжественный акт в Императорском СПб. ун-те, бывший 8 февраля 1857 г. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1857. 203 с.
7. *Григорьев В. В.* Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. Оренбург, 1856. (Изв. из журнала «Русская беседа»). 57 с.
8. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, ун-т за 100 лет его существования (1802–1902). Т. 1: Первый и второй периоды (1802–1865). Исторический очерк Е. В. Петухова, ордин. проф. Импер. Юрьевского ун-та. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1902. 620 с.
9. Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. Историческая записка, составленная по поручению Совета Университета ордин. проф. по кафедре истории Востока В. В. Григорьевым. СПб., 1870. 432 с.
10. Литературное наследие Н. И. Костомарова: Автобиография. Стихотворения — сцены — исторические отрывки — малорусская народная поэзия — последняя работа. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 523 с.
11. *Менделеев Д. И.* Соч. Т. XXIII. Изд. АН СССР. Л.; М., 1952. 379 с.
12. *Метелкин А. И.* Л. С. Ценковский. Основоположник отечественной школы микробиологов. М.: Изд-во медиц. л-ры, 1950. 263 с.
13. *Никитенко А. В.* Записки и дневник: В 3 т. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893. Т. 2. 498 с.
14. О науке и ее значении в государстве. Рассуждение М. Куторги. Ст. 1. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1873. 61с.
15. О распоряжениях по учреждению Профессорского института // Сб. постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2: Царствование императора Николая I. (1825–1855). Отд. первое 1825–1839. Изд. II. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 1575 с.
16. *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. М.: Изд-во МГУ, 2003. 480 с.
17. *Пирогов Н. И.* Из дневника старого врача // Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. 649 с.
18. *Пирогов Н. И.* Университетский вопрос. Дополнения к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. 85 с.
19. Письма к М. С. Куторге // М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. Лемке. СПб., 1911. Т. I. 571 с.
20. *Семенов Д. Д.* Очерк общественно-просветительной деятельности Михаила Матвеевича Стасюлевича (По поводу пятидесятилетия его общественной, литературной и научной деятельности) // Вестник воспитания. М.: Тип В. Рихтер, 1897. 8 с.

REFERENCES

1. *Arsen'eva K. K.* Mihail Matveevich Stasjulevich // M. M. Stasjulevich i ego sovremenniki v ih perepiske/Pod red. Lemke. SPb., 1911. T. I. 560 s.
2. *Buzeskul V. P.* Professor M. M. Lunin, «Har'kovskij Granovskij». K stoletiju Har'kovskogo universiteta // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshchenija. 1905. № 2. S. 321–374.
3. *Buslaev F. I.* Moi vospominanija. M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelja, 1897. 387 s.
4. Vedomosti o zanjatijah vospitannikov Professorskogo instituta za 1828–1832 gg.: RGIA. F. 733. Op. 56. Ed. hr. 656. 1171.
5. Vospominanie o Fedore Ivanoviche Inozemceve S. A. Smirnova. M.: Tip. Gracheva i K°, 1872. 34 s.
6. Godichnyj torzhestvennyj akt v Imperatorskom SPb. un-te, byvshij 8 fevralja 1857 g. SPb.: Tip. E. Vejmara, 1857. 203 s.
7. *Grigor'ev V. V.* T. N. Granovskij do ego professorstva v Moskve. Orenburg, 1856. (Izv. Iz Zhurnala «Russkaja beseda»). 57 s.
8. Imperatorskij Jur'evskij, byvshij Derptsnij, un-t za 100 let ego sushchestvovanija (1802–1902), T. 1: Pervyj i vtoroj periody (1802–1865). Istoricheskij ocherk E. V. Petuhova, ordin. prof. Imper. Jur'evskogo un-ta. Jur'ev: tip. K. Mattisena, 1902. 620 s.
9. Imperatorskij S.-Peterburgskij universitet v techenie pervyh pjatidesjati let ego sushchestvovanija. Istoricheskaja zapiska, sostavlenaja po porucheniju Soveta universiteta ordin. prof. po kafedre istorii Vostoka V. V. Grigor'evym. SPb., 1870. 432 s.
10. Literaturnoe nasledie N. I. Kostomarov: Avtobiografija. Stihotvorenija — sceny — istoricheskie otryvki — maloruskaja narodnaja poezija — poslednjaja rabota. SPb.: Tip. M. M. Stasjulevicha, 1890. 523 s.
11. *Mendeleev D. I.* Soch. Y. XXIII. Izd. AN SSSR. L.; M., 1952. 379 s.
12. *Metelkin A. I.* L. S. Cenkovskij. Osnovopolozhnik otechestvennoj shkoly mikrobiologov. M.: Izd-vo medic. l-ry, 1950. 263 s.
13. *Nikitenko A. V.* Zapiski i dnevnik: V 3 t. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1893. T. 2. 498 s.
14. O nauke i ee znachenii v gosudarstve. Rassuzhdenie M. Kutorgi. St. 1. M.: Univ. tip. (Katkov i K°), 1873. 61 s.
15. O rasporyazhenijah po uchrezhdeniju Professorskogo instituta // Sb. postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosvtshchenija. T. 2: Carstvovanie imperatora Nikolaja I (1825–1855). Otd. pervoe 1825–1839. Izd. II. SPb.: Tip. V. S. Balasheva, 1875. 1575 s.
16. *Petrov F. A.* Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovanija v Rossii. T. 3: Universitetskaja profesura i podgotovka Ustava 1835 goda. M.: Izd-vo MGU, 2003. 480 s.
17. *Pirogov N. I.* Iz dnevnika starogo vracha // Pirogov N. I. Sevastopol'skie pis'ma i vospominanija. M., 1950. 649 s.
18. *Pirogov N. I.* Universitetskij vopros. Dopolnenija k zamechanijam na proekt obshchego ustava imperatorskih rossijskih universitetov. SPb.: Tip. I. Ogrizko, 1863. 85 s.
19. Pis'ma k M. S. Kutorge // M. M. Stasjulevich i ego sovremenniki v ih perepiske / Pod red. Lemke. SPb., 1911. T. I. 571 s.
20. *Semenov D. D.* Ocherk obwestvenno-prosvetitel'noj dejatel'nosti Mihaila Matveevicha Stasjulevicha (Po povodu pjatidesjatiletija ego obshchestvennoj, literaturnoj i nauchnoj dejatel'nosti) // Vestnik vospitanija. M.: Tip V. Rihter, 1897. 8 s.